

Комсомолец Узбекистана
г. Ташкент

ЛИКИ И МАСКИ МЕЩАНСТВА

Итак — премьера, а значит, новая работа. Экспериментальная студия театральной молодежи клуба творческой молодежи при ЦК ЛКСМ Узбекистана «Илхом» показала «Мещанскую свадьбу» Б. Брехта. Пьесы этого драматурга требуют от постановщика сценического метафоризма — инсценирования. В данной пьесе элементы этого метафоризма заложены в самом развитии ее действия.

...Чинное приличие свадебного вечера, состоявшегося в кругу добропорядочной семьи, нарушено катастрофическим разрушением мебели, которую собственноручно для своего дома сделал Жених. К концу вечера свадебную комнату заполняют обломки мебели и смрад столярного клея, и это выведет всех представленных

персонажей из состояния приличия. Останется единственный непоколебимый атрибут обстановки — огромный голубой абажур, под светом которого мы застаем это чинное собрание за свадебным ужином. Пройдут первая, вторая и третья минуты сценического действия, а участники спектакля будут так же молчаливо есть. Священнодействие в отношении к еде — метафора, к которой режиссер М. Вайль обратится в спектакле не однажды. Действие начнет набирать ход, когда Мать Невесты принесет уху, когда Отец Невесты начнет рассказывать семейные истории, когда Невеста постарается внести в свой праздник сколько-нибудь поэтичности, но каждая из попыток любого из участников действия ускорить его ход будет

проваливаться в трясину общепринятого равнодушия. Только потом, когда кончится спектакль, станет ясно, что ожидание событий было пустой иллюзией, что ничего не могло произойти в этой мертвой среде, что все, свойственное человеку в его привычных житейских отношениях с ближними, здесь теряет свой изначальный смысл, все оплощено, все стерто до шаблонных моделей поведения; в человеке убито человеческое.

С беспощадной жестокостью Брехт представил на суд зрителей четыре мещанские пары. Он не дал им имен, умышленно обобщая их характеры: Мать и Отец Невесты, Жених и Невеста, Муж и Жена (подруга Невесты), Молодой Человек и Сестра Невесты — и добавил к ним Друга

Жениха, поющего в этом спектакле единственную песню о любви, которую Жених определил словом «похабель».

Странность сценической ситуации, раскрывающей нам эти характеры в необычайных ракурсах, в том, что в каждом из героев живет страсть, но страсть эта ничтожна, поскольку узколично направлена.

Отец Невесты (артист М. Каминский) одержим страстью рассказчика. Ради этого он даже способен забыть про еду, но его просто никто не слушает. В знак протеста он обходит всех по кругу и, распалаясь, каждому в ухо кричит продолжение своей истории. Глаза его сверкают — наступает кульминация повествования — он объявляет аудитории, что должен повторить неприличность, сказанную по-

койным дядей в последнюю минуту перед смертью. Вот тут-то аудитория каменеет от внимания. Добившись всеобщего внимания, рассказчик долго и значительно держит паузу и произносит вопиющую пошлятину.

В неразрывном логическом единстве с характером Отца Невесты представляет нам Б. Брехт образ Матери Невесты. В спектакле она в исполнении актрисы Г. Луковниковой олицетворяет благородство традиций дома, его покой и нравственность.

Танец Отца и Матери — это ритуал. Дети и гости очарованы согласием этой пары. Но оно лишь мираж. Поворот в танце в сторону зрителей — нежная улыбка друг другу, поворот к зрителям спиной — смена выражения говорит нам,

как эти люди смертельно надоели друг другу.

Представителей второй супружеской пары также обуревают страсти. Жене, в графическом точном выражении актрисы И. Богарь, необходимо отразить в танце, в пластике движений, в мимике подвижного лица, в выражении глаз всю пленительность женственности, неоцененной бездарным, спивающимся Мужем. Эта демонстрация обольстительности обеспечивает ей короткие вспышки успеха. Когда Невеста и ее Сестра, смертельно завидуя победам Жены, «сойдутся» с ней в сцене скандала, Муж Жены, попытается рассказать о своей беспросветной жизни с этой женщиной, но никто его не услышит. Исполнитель роли артист А. Басин в пустом, отчаянном, сле-

зящемся взгляде своего героя передает горячее желание исповедать свою раздавленную унижениями душу, но он не увидит среди окружающих ни одного сколько-нибудь заинтересованного в себе человека.

Невеста (артистка Т. Смирных) будет изо всех сил искать поэзии и красоты для своего праздника и, наконец, выступит с танцем, после которого Жених обвинит ее в непристойности. Сам же он (артист М. Корищев) со старательной взбитой прической, с тупым сосредоточенным взглядом — воплощение грядущего порядка в доме.

Итак, все, что должно было быть так, а не иначе, на протяжении всего спектакля становится оборачиваться своей про-

тивоположной гранью — все неизнанку.

Странность явлений в брехтовской пьесе заключается еще и в том, что никому из ее героев и не приходит на ум, что в происходящем есть что-то чудовищное — оно привычно для них. Поломалась только мебель, только легко поссорились с друзьями Жених и Невеста, зато как сплоченно отметили все папашин тост за самое светлое в их жизни — семью: то главное, чем они могут гордиться.

Представленная на сцене ретроспектива семейных отношений может быть отнесена в прошлое, может быть рассмотрена здесь же в четырех фазах: знакомство, свадьба, первые годы, более поздние годы семейной жизни, с единственным общим выводом: бездуховность уничтожает бесследно в человеке красоту, любовь, чистоту отношений.

Н. КАБАНОВА,
театровед.